

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика, Сессия 18, Права животных

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 18, Права животных.

Хорошо, наш последний вопрос здесь — права животных.

И мы займемся вопросом, какие права, если таковые имеются, есть у животных? И соответственно, какие обязанности или обязательства есть у нас по отношению к животным? Теперь, самые спорные практики, связанные с вопросами прав животных, связаны с промышленными фермами и биомедицинскими исследованиями. Вот некоторые статистические данные по промышленным фермам. Во всем мире около 70 миллиардов сельскохозяйственных животных выращиваются для потребления.

В США 99% сельскохозяйственных животных выращиваются на фабриках. Большинство антибиотиков в мире скормливают сельскохозяйственным животным. Факты жестокого обращения на фабриках показывают, что 94% американцев считают, что животные, выращиваемые для потребления в пищу, не должны страдать.

Что может быть удивительно высоким числом, учитывая, в какой степени американцы потребляют мясо. Промышленное животноводство является основной причиной расточительства воды в США. Около 260 миллионов акров леса в США были вырублены для производства корма для сельскохозяйственных животных.

В США, по оценкам, 40% сельскохозяйственных выбросов приходится на промышленные фермы. Во всем мире молочные коровы производят 3,7 миллиарда галлонов экскрементов ежедневно, что было отмечено как значительное воздействие на окружающую среду. Некоторые из этих проблем являются экологически значимыми.

Отец современного движения за права животных — Питер Сингер. В своей книге 1975 года «Освобождение животных» он отстаивает права животных. Он уделяет много времени информированию читателей о фактах, касающихся промышленного животноводства.

Итак, его тезис заключается в том, что все животные заслуживают равного внимания. Все животные заслуживают равного внимания. Он отмечает, что равенство — это моральная идея.

Это не утверждение факта, который кажется совершенно очевидным. На самом деле, нет двух людей, которые были бы совершенно одинаковыми с физической или интеллектуальной точки зрения. Но равенство — это то, что мы все утверждаем как значимую и важную ценность и идеал в нашем обществе.

Он отмечает, что это моральная идея, а не утверждение факта. Забота о других не должна зависеть от способностей, которыми они обладают. Это касается и животных.

Из-за этого мы должны осудить спесишизм. Он вводит термин спесишизм, который в определенном отношении похож на сексизм или расизм. Это способ пометить тех, кто виновен в определенном виде предрассудков или фанатизма.

Он определяет спесишизм как предубеждение или предвзятое отношение к интересам членов своего собственного вида и против интересов членов других видов. Поэтому мы не должны поддерживать это предубеждение. Оно естественно. Просто потому, что мы есть, утверждал он, это является основной причиной распространенности спесишизма.

Мы те, кто контролирует, как человеческие существа. Мы контролируем коров, свиней, кур и других животных. Поэтому легко отдавать предпочтение себе и своим собственным интересам за счет этих животных, просто потому, что мы те, у кого есть высшие когнитивные функции, и мы контролируем.

Но это не то, что оправдывает какую-либо моральную привилегию с нашей стороны. Он говорит, цитируя его, что способность страдать и наслаждаться является предпосылкой для наличия интересов. И любое существо, которое может страдать, просто потому, что оно страдает, является достаточным основанием для признания того, что у него есть права.

Если животное может страдать, то у него есть интересы. А если у него есть интересы, то у него есть права. Он говорит, что обозначать границу заботы о других с помощью какой-то другой характеристики, например интеллекта или рациональности, означало бы обозначать ее произвольно, так какой критерий мы должны выбрать в качестве способа разграничения того, где уместна забота о другом существе? Он говорит, что какой бы критерий мы ни выбрали для выделения, те, кто имеет право на жизнь, не будут включать всех и только членов нашего собственного вида.

Если мы исключим высших млекопитающих, потому что у них нет определенного уровня интеллекта, то, делая это, мы исключим некоторых людей, потому что есть определенные высшие млекопитающие, высшие приматы, которые умнее некоторых людей либо из-за своего возраста, либо из-за проблем развития, когда есть нарушение когнитивного развития. Итак, лучший критерий, который у нас есть, утверждает Сингер, это способность страдать. Но он разбирается с этим возражением: что, если животные не способны страдать? Что, если Декарт прав, и животные по сути являются машинами; у них нет сознания, и нет способности страдать? Ответ Сингера на это двоякий.

У нас есть веские основания полагать, что животные могут страдать, просто по аналогии. Когда мы смотрим на то, как они реагируют, если вы просто наступите на хвост собаки или кошки, она взвизгнет или завизжит. Это тот тип поведения, который соответствует переживанию боли и негативному психическому состоянию.

Итак, вот это. И затем, мы также знаем, просто из физиологического сходства, что животные чувствуют боль. Их центральная нервная система так похожа на нашу, особенно среди млекопитающих, что они должны чувствовать боль и удовольствие так же, как мы.

Итак, животные способны страдать, и они также способны испытывать удовольствие. Он отмечает, что хотя способность страдать подразумевает, что животные заслуживают морального уважения, это не означает, что они заслуживают того же морального уважения, что и люди. Поэтому здесь он немного уточняет свою позицию.

Другой защитник прав животных — Том Риган, который приводит другой аргумент. Он не основан на утилитаристских рассуждениях, как у Сингера. Риган утверждает, что все животные имеют одинаковую неотъемлемую ценность просто потому, что у них есть своего рода базовое осознание и состояние сознания.

Поэтому к ним следует относиться с уважением. Они являются субъектами опыта жизни, и этого достаточно, чтобы гарантировать, что у них есть определенные права. Он говорит, что неотъемлемая ценность не может быть ограничена людьми, потому что мы во многих отношениях похожи на других животных.

Мы склонны считать других людей ценными, потому что каждый из нас является субъектом переживания жизни. Но тогда почему бы не распространить это на других животных, которые также являются субъектами переживания жизни? Он говорит, что все имеют равное право на то, чтобы к ним относились с

уважением и не сводили их к статусу вещи. Теперь, возражение, которое можно здесь сделать, заключается в том, что нет, только люди имеют неотъемлемую ценность, потому что только мы обладаем необходимым интеллектом, автономией и разумом.

Конечно, моя собака, Остин, имеет подлинные переживания и чувствует боль и удовольствие и т. д., но она не по-настоящему разумна, и уж точно не автономна. Она не действует ради заранее установленных целей или задач и взглядов. Она не может рассуждать.

Ответ Ригана на такой аргумент, опять же, как отмечает Сингер, заключается в том, что многие люди не обладают этими способностями, например, младенцы и взрослые с умственными отклонениями. Тем не менее, мы признаем, что они имеют неотъемлемую ценность. Поэтому, если мы собираемся распространить признание неотъемлемой ценности на младенцев с тяжелыми умственными отклонениями или взрослых людей, а также на младенцев, то мы должны распространить его и на животных.

Итак, Риган утверждает, что все, у кого есть неотъемлемая ценность, имеют ее в равной степени, независимо от того, являются ли они людьми, животными или нет. Другое возражение заключается в следующем. Почему мы должны принимать утверждение, что все, у кого есть неотъемлемая ценность, имеют ее в равной степени? Это то, чего Риган никогда не демонстрирует, и это область, в которой он должен, я бы сказал, быть больше похожим на Питера Сингера, признавая, что не все права или, в данном случае, неотъемлемая ценность равны.

Конечно, я могу признать, что собака, кошка или шимпанзе имеют неотъемлемую ценность, но из этого не следует, что эти животные имеют ту же неотъемлемую ценность, что и люди. Теперь, в вопросе биомедицинских исследований, мы можем спросить, что насчет этики биомедицинских исследований на животных? Допустимо ли это с моральной точки зрения? Есть ряд ярых защитников прав животных, которые выступают против этого. Я предполагаю, что Риган и Сингер выступают против этого по причинам, которые очевидны в логике их аргументов в пользу прав животных.

RG Fry поддерживает использование животных в медицинских исследованиях, и он защищает свою позицию, что интересно, вообще не апеллируя к концепции прав, которая, по его мнению, чревата проблемами. Его аргумент основан на понятии качества жизни, которое апеллирует к «извините», что могут подтвердить люди любых моральных убеждений. Он отмечает, что именно качество жизни существа определяет, заслуживает ли оно морального рассмотрения.

Моральный статус, говорит он, зависит от того, является ли существо субъектом опыта с разворачивающейся серией переживаний, которые, в зависимости от их качества, могут сделать жизнь существа хорошей или плохой. Он говорит, что ценность жизни является функцией ее качества, ее качества ее богатства и богатства ее возможностей или возможностей для обогащения. И поскольку жизнь животных имеет определенное качество, ее жизнь имеет ценность, но не такую же ценность, как жизнь обычного взрослого человека.

Я думаю, что это своего рода квалификация, к которой кто-то вроде Риган должен быть открыт. Фрай оспаривает идею, предложенную Сингером, что это спесиизм, потому что не на основе нашей принадлежности к человеческому виду наши жизни, как правило, имеют большую ценность, чем жизни животных. Это просто основано на том факте, что у нас есть определенное качество жизни.

Теперь это поднимает некоторые интересные вопросы относительно взгляда Фрая, потому что мы могли бы спросить, ну, а как насчет тех людей, у которых нет такого же качества жизни? Те люди, которые имеют нарушения развития, не имеют такого же уровня качества жизни, как остальные из нас, у которых есть определенная высшая когнитивная функция. И именно по этой причине Фрай фактически допускает, что эксперименты на определенных людях, так же как мы экспериментируем на животных, были бы уместны, что, я думаю, является своего рода сведением его взгляда к абсурду, по крайней мере, с иудео-христианской точки зрения, что он принял бы эту точку зрения. Но он стиснул зубы.

Я должен отдать ему должное за это. Но именно такой подход он использует в отношении всего вопроса биомедицинских исследований и экспериментов на животных. Итак, Эндрю Тардиф, давайте теперь перейдем к его аргументам в пользу вегетарианства.

Он выступает за обязанность вегетарианства. Он делает это, используя теологический аргумент. Он говорит об обязанности избегать преднамеренного убийства животных для еды или избегать их покупки, даже если человек не убивает их сам.

Итак, его аргумент не против употребления мяса как такового. Он выдвигает этот аргумент, основываясь на том, о чем мы уже говорили в контексте эвтаназии и самоубийства с помощью врача: принципе двойного эффекта. И он немного опирается на ученого по имени Томас Хиггинс в этом контексте.

Итак, он указывает, что согласно принципу двойного эффекта, было бы неразумно допускать тяжкое зло ради относительно незначительного блага. Как говорит Тардиф, даже если добро перевешивает рассматриваемое зло, действие является незаконным, если, цитирую, хороший эффект мог быть

достигнут без плохого эффекта. Это связано с одним условием в рамках принципа двойного эффекта, который заключается в том, что средства достижения добра не должны быть злыми.

Не следует использовать зло как средство достижения хорошего эффекта. Поэтому он указывает в своем аргументе, апеллируя ко всей идее иерархии бытия, что в сотворенном порядке существует своего рода иерархия существ все большей и большей ценности и достоинства, от неодушевленной природы, скажем, микроскопических организмов, червей и насекомых, рыб, амфибий, рептилий, млекопитающих, людей, а затем через ангельский чин к Богу. Итак, существует своего рода иерархия бытия.

Эта идея гораздо чаще поддерживалась в средневековый период, но то, что он поддерживал тех, кто вышел из иудео-христианской традиции сегодня, должно быть подтверждено. Так что люди выше в этой иерархии, чем животные, которые выше растений, которые выше неживых вещей. Мы должны уважать эту иерархию ценностей, когда это возможно.

Он должен относиться к каждому виду организмов соответственно его месту в иерархии. Вот почему большинство из нас не задумываясь прихлопнут муху или убьют комара. Но мы были бы в ужасе, если бы кто-то так же небрежно убил собаку, кошку или даже птицу, потому что мы интуитивно понимаем, что там есть иерархия.

Если вы собираетесь убить животное, то, знаете ли, черт возьми, у вас должна быть веская причина сделать это. Но мы никогда не требуем веских причин от людей, когда они наступают на муравья или прихлопывают муху. Поэтому, когда мы объединяем это понятие иерархии бытия с принципом двойного эффекта, кажется, что, согласно Тардифу, всякий раз, когда человек может достичь своих целей, убивая растения вместо животных, он не может убивать животных, поскольку, поскольку они онтически превосходят растения, то делать это в таких обстоятельствах было бы более чем необходимым насилием.

Иначе говоря, говорит он, убийство животных для поддержания жизни и здоровья нарушило бы условие пропорционального блага, поскольку это было бы уничтожением животных для достижения целей, которые могут быть достигнуты за счет меньших благ и растений. Поэтому, цитируя его еще немного, Тардиф говорит, что любой, кто мог бы хорошо жить на вегетарианской диете, при прочих равных условиях был бы обязан принять ее, потому что этот вариант обеспечил бы ему величайшие блага в жизни и здоровье, принося при этом наименьшее количество зла. Так что, по сути, идея заключается в том, что вы можете достичь в своей жизни столько же здоровья и благополучия, употребляя растительные продукты, сколько и употребляя продукты животного происхождения.

Если вы придерживаетесь полностью вегетарианской диеты и избегаете мяса, то вы делаете много хорошего, избегая участия в жестоком обращении с животными или увеличения их страданий. Физически вы чувствуете себя так же хорошо, как и в противном случае. Это своего рода игнорирование еще одного аргумента о том, что вегетарианская диета на самом деле здоровее.

Некоторые спорят на этих основаниях, и он упоминает это здесь, когда говорит о питательном аспекте этого. Вам не нужно приводить аргумент в пользу питания, чтобы выдвинуть этот аргумент. Он отмечает, что вегетарианская диета, по крайней мере, так же питательна, как и диета всеядного, мясоеда.

И он отмечает, что, если что, это более здоровая диета. Настолько, что обычно предполагается, что когда человек становится вегетарианцем, это делается по состоянию здоровья. Я знаю, что я практикую диету без жестокости.

Я вообще избегаю мяса, выращенного на фабриках. И когда я говорю людям, что я вообще избегаю есть мясо, они говорят: вы делаете это по состоянию здоровья или по другим причинам? Потому что они понимают, что часто есть огромная польза для здоровья, если избегать или минимизировать мясо в рационе. Хорошо, вы можете привести такой аргумент, но ради его аргумента вам это не нужно.

Есть моральный аргумент, что достаточно. Второе соображение — доступность. В нашей культуре, как и в большинстве развитых стран, у нас есть удобный доступ к большому количеству неживотных пищевых продуктов.

И мы можем иметь очень здоровую вегетарианскую диету круглый год. Так что это не проблема для нас на Западе. Я не знаю, будет ли это такой большой проблемой в подавляющем большинстве других стран.

Конечно, более эффективно, как мне сказали. Гораздо эффективнее есть зерно, овощи и фрукты, чем есть мясо животных, которые питались всеми этими зернами. И многие из этих зерен на самом деле дают белок.

В частности, орехи и другие неживотные продукты могут обеспечить много белка. Вот некоторые возражения, которые иногда выдвигаются. Одно из них — возражение от удовольствия.

Мясо вкусное. Приятно жевать мясо. И вкус, который вы получаете от стейка или свинины, свиной отбивной или свиных ребрышек, он хорош.

Многие действительно будут подчеркивать удовольствие, которое мы можем получить от употребления мяса. Разве это не является пропорциональной

причиной для убийства животных, чтобы получить его? Тардиф возражает, отмечая, что есть много вкусных безмясных продуктов, а удовольствие от употребления мяса не так уж и велико, так что жестокое обращение с животным оправдало бы это. С появлением некоторых из этих растительных заменителей гамбургеров, я думаю, этот аргумент с его стороны особенно силен.

Я большой поклонник невозможного Воппера, и мне не платил Burger King или кто-либо другой, чтобы я это говорил, но меня поражает, насколько эта штука на вкус похожа на настоящий Воппер. Я не могу отличить. Так что, я, вероятно, ем его хотя бы раз в пару недель и получаю невозможный бургер Воппер.

Думаю, сегодня днем я смогу его получить. На самом деле, я уже проголодался. Но удивительно, что теперь, с нашими технологиями, мы можем создавать заменители мяса.

На вкус, по-моему, оно такое же вкусное, как и настоящее, и это полезнее, потому что в нем нет всех тех нитритов и нитратов, которые есть в настоящем красном мясе. В любом случае, даже если бы было значительно больше удовольствия от употребления мяса, Тардиф утверждает, что этого недостаточно, чтобы оправдать убийство животного ради него. Другое возражение — экономическое.

Если бы все стали вегетарианцами, это вызвало бы экономические потрясения. Это беспокойство, которое некоторые выражают. Я не знаю, насколько серьезно они приводят этот аргумент, но иногда его слышно.

В ответ Тардиф говорит, что даже если все станут вегетарианцами, это вызовет экономические проблемы только в том случае, если произойдет внезапно. Не случится так, что завтра все внезапно станут вегетарианцами, или даже огромная часть населения станет вегетарианцами. Это будет происходить очень постепенно, и рынки приспособятся.

Посмотрите, как много это уже произошло в ресторанах и продуктовых магазинах. Они внесли изменения в предложение вегетарианских блюд, потому что спрос на них возрос. Рынок приспособится, и это произойдет постепенно, так что не стоит беспокоиться об экономической катастрофе в результате этого.

Если люди действительно становятся, ну, поскольку люди становятся все более чувствительными к этой проблеме и соответственно меняют свои привычки в еде. Что ж, давайте рассмотрим далее библейские аргументы в пользу ухода за животными. Какие соображения должны фигурировать в наших размышлениях относительно этой проблемы с библейской точки зрения? Один момент, с которого мы можем начать, связан с божественным владением, которое заключается в том, что Бог владеет всем в этом мире.

Он — владелец всей вселенной, и это включает в себя планету Земля и все, что на ней, включая людей и всех животных на каждом холме, и всех птиц, и все деревья, как говорит псалмопевец в Псалме 50. Господня земля и все, что наполняет ее, говорится в другом псалме. Итак, Бог владеет всем, и неуважение к любому аспекту природы является косвенным неуважением к Богу.

Жестокое обращение с животными является неуважением не только к ним, но и к Богу. Поэтому у нас есть обязанность обращаться с ними гуманно. Во-вторых, существуют божественные заповеди, которые относятся к обращению с животными, которые легко проигнорировать.

Традиционно они не особо выделялись, но они есть в Писании. Библия дает нам конкретные указания относительно ухода за животными. Одно из них появляется в Исходе 23, где Бог повелевает израильтянам распространить субботний покой на животных.

Волы, волы и ослы также должны отдыхать. Во Второзаконии 25:4 говорится, что не следует надевать намордник на вола, когда он молотит зерно. А в Притчах 12:10 говорится, что праведные заботятся о нуждах своих животных.

Это то, что делает праведный человек, и он заботится о своих животных. Я думаю об этом стихе буквально каждое утро, когда иду на наш задний двор в курятник, где живут наши четыре курицы. И я даю им их куриную царапку и выпускаю их из внутренней части курятника.

Я тоже пытаюсь быть праведником в этом отношении, наблюдая за заботами этих очень неразумных животных. Куры — очень глупые животные, изворотливые зверьки. Но у меня есть обязанность, даже если они очень низки в интеллекте, заботиться о них и обеспечивать их потребности, как я делаю это для своего кота и своей собаки.

И это только часть выполнения библейского поручения, культурного поручения заботиться о творении. Но интересно узнать эти конкретные повеления в писании относительно заботы о животных. Затем, мы уже говорили об иерархии идей, которые являются существами, которые различаются с точки зрения их различных совершенств.

Уместность нашего обращения с любым существом может быть оценена в соответствии с его местом в иерархии, как мы говорили с аргументом Тардифа. Итак, что же здесь получается? Аргумент может быть выдвинут в том, что у нас есть двойной моральный долг по отношению к животным.

Даже если мы не хотим заходить так далеко, чтобы говорить, что у животных есть права, что я бы не стал утверждать о животных, это кажется слишком сильным термином. Большинство теологов защиты животных, как покойный великий Стивен Уэбб, который является моим другом, много писали на эту тему.

Эндрю Линдси и другие склонны избегать языковых прав. Они больше любят говорить о благополучии животных, заботе о животных и сострадании. Я думаю, это правильный путь.

У нас есть двойная обязанность по отношению к животным. Во-первых, заботиться о них с уважением к Богу. Они — домашние животные Бога.

И если вы собираетесь охотиться, то есть правильный способ сделать это с точки зрения минимизации боли и страданий. Есть безответственные способы делать это. И если вы собираетесь есть мясо, которое было получено каким-то другим путем, то избегайте поддержки системы, которая причиняет столько страданий.

Есть способы, которыми мы можем поддерживать продукты животного происхождения и их переработку, которые по своей сути не являются жестокими. Свободный выгул означает свинину, курицу и говядину свободного выгула. Это то, что мы могли бы поддержать.

Или просто воздержаться от употребления мяса вообще. Итак, вторая часть этого будет заключаться в том, чтобы обращаться с животными так, как это соответствует их природе как сознательных существ с потребностями и способностью страдать. Если мы будем помнить об этом, это, возможно, будет означать некоторые корректировки в поведении при покупке и еде.

Но это была бы моя рекомендация. Это своего рода серьезное рассмотрение благополучия животных. Это также побудит нас пересмотреть нашу поддержку, будь то прямую или косвенную, промышленных ферм.

Просто потому, что на фермах-фабриках обрабатывают огромное количество животных, и это часто или обычно подразумевает определенную долю жестокости. Цирки. Часто животных в этих контекстах дрессируют мучительными способами.

Что-то, что делалось в цирках много лет, по крайней мере в определенных контекстах, как бы это олицетворяет. Где, скажем, осел или лошадь спрыгивали с большой высоты, падали в воду и делали это без особых усилий. Может быть, их немного подталкивали.

Но подумайте, что нужно, чтобы научить животное делать это добровольно. И для этого будут использоваться электрошокеры. Просто прыгнуть в этот бассейн с водой так же страшно, как и для животного.

Это лучше, чем быть убитым током. Но даже сегодня в цирках в разных местах животные, которых обучают делать всякие вещи, которые неестественны, очень неестественны, даже если они забавны для глаз, они очень неестественны. И во многих случаях именно из-за жестокого обращения и плохого обращения дрессировщики смогли заставить их делать эти трюки.

Капканы. Капканы, которые используются для ловли животных ради их меха, в частности, часто очень жестоки. И хотя существуют законы, которые содержат рекомендации о том, как ставить ловушки и как часто их проверять, они, как правило, не очень хорошо соблюдаются.

Итак, во многих случаях животных оставляют страдать часами и часами или днями подряд, запертыми в жестоких ловушках. И наконец, в плане исследований на животных, многих животных пытаются ради сомнительных исследований. Одно дело использовать животных для исследования травм мозга и рака или для обучения людей хирургическим методам.

Это одно. Но проводить болезненные, даже мучительно болезненные исследования на животных для тестирования косметики, как это обычно делается с кроликами, когда им в глаза помещают косметику, а кроликов привязывают так, чтобы они не могли от нее избавиться. Они бурно реагируют на это, но ничего не могут сделать, чтобы облегчить боль в глазах, когда тестируют эту косметику.

Я имею в виду, это косметика. Это не является необходимым для человеческого процветания. Так что стоит рассмотреть, какие виды продуктов зависят или не зависят от таких вещей.

И многие продукты маркируются так, чтобы было понятно, что они не выращены на фабрике или что они на свободном выгуле. Вы получаете яйца и мясо кур на свободном выгуле, и это то, что мы покупаем в отличие от яиц с фабрики. И мы получаем яйца от наших кур на заднем дворе, которые заметно вкуснее, чем яйца, которые вы покупаете в магазине.

Итак, если вас волнует вкус, аромат и эстетическое измерение, есть еще один знак в пользу не тестируемых на животных или гуманно выращенных животных. Вот несколько онлайн-ресурсов, которые вы можете проверить. Один из них — Христианская вегетарианская ассоциация.

Есть еще Jesus People for Animals. А еще есть организация Every Living Thing, которая просто потрясающая. И есть заявление, которое было составлено несколько лет назад, лет пять назад или около того, которое я подписал, и многие другие люди подписали.

Это самая сбалансированная, библейская, разумная вещь, которую я видел как своего рода систематическое заявление о благополучии животных и этике обращения с животными с библейской христианской точки зрения. Это хорошая вещь. Итак, на этом мы завершаем обсуждение этого вопроса.

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 18, Права животных.